

18+

МИХАИЛ ХАЙМОВИЧ

ТРУДОДЕНЬ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Михаил Хаймович

Трудодень. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Хаймович М.

Трудодень. Сборник рассказов / М. Хаймович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859596-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Центральное место в сборнике занимают рассказы о буднях советского НИИ — до перестройки и в самом её начале, в преддверии распада страны. Тотальный контроль, душная атмосфера застоя, бессмысленная и бесчеловечная, предлагающая плыть по течению. Завершает сборник рассказ «Кыс», который можно отнести к жанру иронической фантастики, изображающий тоталитарную систему, которая не предусматривает сценария развития общества.

ISBN 978-5-44-859596-7

© Хаймович М.

© Издательские решения

Содержание

Утро	6
Трудодень	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Трудодень Сборник рассказов

Михаил Хаймович

© Михаил Хаймович, 2017

ISBN 978-5-4485-9596-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро

Светает около пяти часов утра. Солнце заливает комнату через большое окно и стеклянную дверь на балкон, весеннее радостное пение птиц проникает в комнату через открытую форточку. От этих звуков я просыпаюсь, и тут же во всем теле ощущаю прилив сил, энергии, здоровья. В комнате свежо, пахнет молодой листвой, дымом от вчерашнего костра, но которым жгли прошлогоднюю листву. Я тихо спускаю ноги с кровати и крадусь к ванной комнате, где приготовлена одежда и кеды. Быстро одеваюсь, подхватываю в прихожей велосипед, и через минуту я на весенней пустынной улице: только дворник метет пыль на тротуаре. На часах около половины шестого, и нужно торопиться, иначе можно опоздать в школу. Я кручу педали изо всех сил, встреча с Лехой назначена в лесу на краю города через десять минут. Городок небольшой, примерно шестьдесят тысяч жителей, весь окружен лесом, по которому протекают две живописных речки, а десяти километрах от города, окруженное кустами и вековыми соснами притаилось большое озеро. До озера мы сейчас не доедем, далеко, а ближайшая речка, возле пионерлагеря, до нее километра три-четыре. Леха ждет в условленном месте, и я не здороваясь и не слезая с велосипеда, с гиканьем проношусь мимо, призывая следовать за собой. Дорога до речки занимает около пятнадцати минут. Наши старенькие «дорожные» велосипеды сильно подсакивают на корнях елей, выступающих на тропинке, и мы поднимаемся с сидений, чтобы не отбить мягкое место. На берегу, мы быстро скидываем с себя всю одежду и разгоряченные быстрой ездой, потные, с диким воплем голышом прыгаем в холодную прозрачную воду. Плавать в такой воде невозможно. Она так обжигает, что хочется прыгать, дергать беспорядочно руками и ногами и непрерывно орать.

Место пустынное, и вокруг на несколько километров никого нет. Пионерлагерь виднеется сквозь деревья, но он пока не работает, до его открытия еще пару недель. Больше полминуты находится в такой воде холодно. Мы выскакиваем и делаем шаг к велосипедам, на которых лежат наши полотенца и одежда. Но в этот момент прямо перед ними возникает девушка. Она смотрит на нас в упор и смеется. Здасьте, говорит Леха и прикрывает руками то место, которое мужчины не хотят показывать незнакомым женщинам. Привет, говорю я и от растерянности ничего не прикрываю. Девчонка с озорным смехом поворачивается и убегает в сторону лагеря. Мы растираемся полотенцами докрасна, одеваются, нас бьет крупная дрожь, а потом начинаем громко ржать.

«Слушай – говорит Леха – а ведь она все это время за кустами стояла и за нами подглядывала!». Всю дорогу обратно мы смеялись, наши уши горели от возбуждения. «Ну, надо же – повторял я – то все мы в бане в дырочку за ними подсматривали, а тут нас поймали!». Мы были в смятении, возбуждены, но нам было немного стыдно. Нам было всего пятнадцать.

Мы никогда больше не видели эту девочку и так не поняли, откуда она взялась на берегу реки в пяти километрах от жилых домов. Может быть, она тоже купалась голой за соседними кустами пятью минутами раньше?

Трудодень

Будильник заливается сердитым прерывистым трезвоном, и Иван Андреевич привычным движением роняет безвольную руку на его кнопку. Будильник недовольно брякает, выражая недовольство, дзинькает и угрюмо замолкает. В комнате полумрак, сквозь шторы пробивается свет уличного фонаря, а за окном темень, ветер ледяной, он гонит мелкую водяную пыль в смеси со снегом почти параллельно земли, и от удара капель по стеклам они слегка подрагивают в расшатанных рамах. Вставать неохота, всего половина седьмого, но выхода нет: надо успеть позавтракать, собрать дочку в школу и в 8 быть на работе. А до нее сорок минут идти пешком. Можно и на автобусе, но нет никакой гарантии, что успеешь, они ходят редко, набиты до предела, чтобы попасть вовнутрь, нужно толкаться локтями, пихаться, не обращая внимания на пол и возраст соседей. Поэтому надежнее, да и для здоровья полезнее, пройти пешком. Пока жена собирала дочку в школу, Иван Андреевич съел два бутерброда с пошехонским сыром, запив их стаканом сладкого чая. Затем оделся болоньевую куртку на синтетическом меху, которую носил уже лет пять, и повел дочку в школу. Она сама бы дошла, школа была неподалеку, но нужно было переходить дорогу, запруженную машинами, было скользко, а недавно у одного знакомого сотрудника вот таким же темным утром девочку насмерть сбили. Поэтому Иван переводил дочь за руку через дорогу, и после шел на работу.

На улице темно, холодно и сыро. Дворники почистили тротуары, но мокрый липкий снег, который идет непрерывно уже второй день, превращается под ногами прохожих в серую кашу, обволакивающую ботинки и проникающую, просачивающуюся сквозь мельчайшие трещинки на обуви к ногам. Любые ботинки через пару дней такой погоды превращаются в губку, которая после сушки становится твердой и хрупкой, как фарфор.

Утром, в половине восьмого, со всех проспектов, улочек и переулков, к проходной завода устремляется лавина людей. На отдаленных подступах к заводу это еще тоненькие, едва заметные ручейки, они вливаются в три русла, которые выносят бурлящий поток на большую заасфальтированную площадку, на которой стоят два небольших одноэтажных домика – КПП. Там проверяют ропуска. Это чтобы враг не прошел, и не узнал, чем это мы там, за оградой, занимаемся. Врагу этого действительно знать не нужно. Никто не знает, какой он – враг, но все равно наши секреты мы ему не покажем. Каждое русло несет поток рабочих из разных частей города, но русла эти недалеко друг от друга, и Иван Андреевич меняет их день ото дня, чтобы видеть вокруг себя разных людей. Если идти годами по одному пути в одно и то же время, через месяц будешь узнавать каждое лицо в толпе. Вот идет лаборант Генчик с подбитым глазом. По вечерам он подрабатывает лабухом в ресторане, бренчит на гитаре импортную попсу, и почему то регулярно приходит на работу битым. У него брюки клеш такой внизу ширины, что ботинок не видно, ремень на бедрах. Генчик небрит и непрерывно курит «Беломор», он всегда с похмелья. А вот семенит Жанетта, ее действительно Жанной зовут, ее губы ярко накрашены, огромная грудь с каждым шагом колышется, туфли или сапоги всегда на высокой шпильке. Она очень самоуверенна, общительна, душа любой кампании, и постоянно с кем – то по дороге разговаривает и смеется.

Люди в основном одеты одинаково, в маленьком советском городе в магазинах продается ограниченное количество моделей одежды. Преобладают серые и черные тона, мужчины посolidнее в шапках из меха ондатры, большинство в заячьих ушанках. Многие на ходу курят. Толпа в половину восьмого идет напористо, ведь нужно успеть встать в очередь перед проходной, и не опоздать на рабочее место. Вход в КПП запружен людьми. Чем ближе время начала работы, тем кучнее клубится толпа желающих попасть на рабочее место вовремя. Но солдат, проверяющий пропуска, неумолим и спокоен. Чаще всего это узбек, таджик, калмык или татарин, лицо его не подвижно, никаких эмоций, движения заученно четки. По инструкции он дол-

жен сличать фотографию на пропуске в течение 7 секунд. Это кажется, что 7 секунд недолго. Когда стоишь в очереди, до начала работы 5 минут, а тебе еще до входа в здание добежать нужно, эти 7 секунд на каждого впереди стоящего кажутся вечностью. Народ терпит, скрипит зубами, но терпит, калмыка ничем не пробьешь, у него глаза узкие, холодные, у него служба. Сзади офицер стоит, смотрит за караулом, инструкцию нарушать нельзя... Иногда в карауле попадают русские ребята из средней полосы России, они чаще халтурят, не более 3 секунд сличают пропуск, симпатичным девушкам подмигивают, пытаются познакомиться.

Для того, чтобы пропуск предъявить, нужно дернуть за штырек с номером на специальном ящичке, и пропуск из ячейки свалится по специальному желобу в корзину, откуда его солдат берет в руки. При выходе с «объекта» пропуска сдаются солдату, за пределы НИИ пропуск не попадает. Иногда эта конструкция заедает, тогда солдат открывает ящик, поворачивая его относительно вертикальной оси, так, что вся очередь видит только штырьки с номерами, а солдат скрывается с головой недрах ящичка. Очередь обреченно вздыхает. Теперь точно опоздаем, можно не дергаться. Но вот конструкция исправлена, изогнутой змеей очередь вползает на территорию НИИ. На входе в здание еще один солдат. Он проверяет уже выданные пропуска, на наличие в них специального значка, разрешающего данному работнику вход именно в это здание. Опять очередь и те же 7 секунд на изучение каждого пропуска. И вот на часах 8=00. Бегут опаздывающие женщины, ноги на каблуках подламливаются, лица покраснелись, в глазах беспокойство: за опоздание начальник может обидное слово сказать, а может и при распределении квартальной премии учесть. А если за спиной солдата маячит «патруль» из «комсомольского прожектора», тогда совсем беда. Запишут, а потом к обеду изготовят плакат с фамилиями опоздавших, вывешат на самом видном месте, в коридоре по пути в секретный отдел, по которому каждый сотрудник в течение дня не раз проходит. Вот тогда уж точно и премию снимут, и коллеги набычатся, ведь коллективу теперь в соцсоревновании призового места не видать.

Иван Андреевич успевает пройти в здание в 8=03, это еще не опоздание, до 5 минут прощают. Теперь можно спокойно, не торопясь пройтись по коридору, зайти в комнату, снять пальто и с удовлетворенным видом поплестись в курилку. В 8=15 она полна народу. Кто – то уже зажигает третью сигарету, чтобы оттянуть момент неотвратимого возвращения на рабочее место, кто-то прервался для того, чтобы сходить в секретный отдел за чемоданом и вернулся в курилку продолжить общение с коллегами. Если ты перемещаешься по зданию с чемоданом, набитым секретными документами, то ты при деле, у начальства не возникнет сомнения в правильном использовании рабочего времени. Поэтому Иван Андреевич выкуривает сигарету, и идет в секретный отдел за чемоданом. Чемоданы – небольшие картонные коробки с ручкой, углы обшиты металлом, хранятся в ячейках, выставленных в ряд, длинным коридором в пять этажей. Ячейки закрыты на замок и у каждого сотрудника своя ячейка и свой ключ. В торце длинного коридора закрытая стеклом комната, в которой сидят девушки – операторы. Когда сотрудник вставляет ключ в замок ячейки и поворачивает его, на панели у девушек зажигается лампочка с номером ячейки. Девушка должна посмотреть через стекло, тот ли сотрудник, кому положено, пытается открыть ячейку, и если тот, нажать кнопку под лампочкой, и ячейка откроется. Видимо, создатели этой удивительной системы безопасности считали, что враг может подделать пропуск, чтобы проникнуть в здание, подделать ключ от ячейки, но бдительные девушки за стеклом должны врага узнать в лицо и в момент вставления ключа в замок обезвредить. Ячеек в коридоре было за 700, но память у девушек была исключительная. Когда Иван Андреевич пришел на работу молодым специалистом и ему выдали чемодан и ключ от ячейки с номером 434, на третий день девушки уже узнавали его в лицо и называли по имени.

Иван Андреевич вставил ключ в ячейку в четвертом ярусе от пола, на уровне груди, кивнул девушке за стеклом и пружинистым деловым шагом направился в курилку. Ему повезло с расположением ячейки. Если твой чемодан в нижнем ряду, нужно, либо согнуться в три погибели, либо присесть на колени, чтобы вставить ключ в ячейку и взять чемодан. Номера ячеек выдает начальник секретного отдела, немолодой полный коротышка с равнодушно внимательным взглядом из – под очень густых и лохматых бровей. Специально он выдавал номера в нижнем ярусе женщинам, которые приходили на работу на шпильках и в коротких юбках? Иван Андреевич этого не знал, но любил смотреть, как в начале рабочего дня эти цацы выставляли свои круглые попки, наклоняясь за чемоданами. Поэтому он и не задерживался в курилке и после первой сигареты летел в секретный отдел за чемоданом.

За очередной сигаретой Иван Андреевич выслушал доклад о вчерашней игре «Торпедо» со «Спартак»», о способах окучивания картошки и борьбы с колорадским жуком, завезенным к нам дружественными поляками в неурожайный год, а также о достоинствах и недостатках договора с американцами по ОСВ-1. Футболом Иван Андреевич не интересовался, к сельскому хозяйству был равнодушен, а вот по поводу ОСВ высказался. Прошло сорок минут рабочего времени. Женской половине коллектива его хватило для того, чтобы отдышаться, сходить за чемоданом, подкрасить губы, подвести брови, ресницы, одним словом, привести себя в порядок. Кое – кто даже успевал сделать себе допотопный маникюр. Когда Иван Андреевич вернулся на свое рабочее место, женщины делились друг с другом кулинарными рецептами, обидами на пьющих мужей и проблемами детского воспитания.

Иван Андреевич был начальником группы. В его подчинении находились восемь инженеров, научных работников и лаборантов. Большая часть из них была женского пола, и поэтому в большой комнате, в которой они все размещались, стоял постоянный гомон. Говорили о чем угодно, очень редко о работе. Оборвать этот шум можно было, только начальственно повысив голос, но этого хватало минут на 10, а затем постепенно комната наполнялась привычным шелестом женских голосов. Думать в таком шуме невозможно, но этого как раз давно уже никто и не пытался. Производственное назначение этих сотрудниц было непонятно никому, в том числе их непосредственному начальнику, Ивану Андреевичу. Не он их набирал в свою группу, для этого были другие службы и другие начальники. Про женскую часть института говорили, что у нас работают: ЛОРЫ, ДОРЫ, ЖОРЫ и СУКИ (любовницы ответственных работников, дочери ответственных работников, жены ответственных работников, случайно укомплектованные кадры). Среди этих случайных попадались и очень толковые, но редко. Они защищали диссертации, руководили научными коллективами, но их можно было по пальцам одной руки перечесть, а более половины кадрового состава НИИ были женщины. Их работа в обслуживающих подразделениях, в машинописном бюро, в зале ЭВМ, в копировальном отделе, библиотеке, в секретном отделе приносила огромную пользу, но ЖОРЫ, ДОРЫ, ЛОРЫ на такую работу не соглашались. В этих подразделениях надо было работать, а жены да любовницы хотели в научных отделах на престижных должностях язычком почесывать. Институтская кадровая система обладала большой вязкостью. Каждый начальник и начальничек пытался, окружив себя людьми лично преданными, забраться повыше по карьерной лестнице, и лучшим способом для этого было помочь жене другого начальничка устроиться на инженерную должность в научном отделе. Самыми ценными людьми для помощи в трудоустройстве были кадровики. От них зависело, в какой момент, и какой приказ о назначении подsunуть начальнику, и если у вас не было хорошего знакомства на самом верху, годился для этой цели рядовой инспектор отдела кадров. Ивану Андреевичу повезло, таким инспектором сделался его одноклассник, Леня Рябушкин. Троечник в школе и институте, он быстро сообразил, где ему будет счастье. В научном отделе надо хоть что – то делать, чтобы пробиться. По крайней мере, нужно хоть красиво и складно говорить по теме, а это тоже не каждому дано. А в кадрах не говорить нужно,

а слушать. Соизмеряя правильно просьбы от соискателей и указания начальства, можно больших высот достичь. Что Леня и доказал в последующие годы, сделавшись аж начальником пенсионного фонда города. А сейчас он помогал своим, подмахивал у начальства приказы на трудоустройство, Иван пользовался протекцией, и в его группе числились парочка жен весьма высокопоставленных личностей. Работу с них спросить было невозможно, да и какая научная работа от женщины с детьми и мужем начальником. Все силы на дом уходят. Зато через них можно было познакомиться с мужьями, которые могли и положительный отзыв на диссертацию написать, и потом, когда-нибудь, после окончания ВУЗа, дочку Ивана на работу к себе взять. Эта система, которую называли: «ты – мне, я – тебе», никто не считал зазорной. Вот если бы должности за деньги покупали, эта была бы взятка, но в советском оборонном НИИ такое было невозможно. Система эта, тем не менее, по сути, была коррупционной, становилась тормозом любого развития, вела в тупик. Иван Андреевич это знал, ему было неприятно, однако пользовался в своих целях, наравне со всеми. Не бороться же с тем, что на Руси веками устанавливалось? Пользоваться приходилось, иначе как можно было добиться в этом мире стабильного и благополучного существования, к чему, собственно говоря, все и стремились?

Иван Андреевич открыл свой «секретный» чемоданчик и открыл большую толстую тетрадь в прочном картонном переплете, которая называлась «план группы». Еще только придя молодым специалистом на предприятие, возжелел Иван Андреевич завладеть такой тетрадкой. Она была символом к первой ступеньке власти, независимости (как ему тогда казалось) и высокой зарплате. Начальник группы – это как командир взвода, лейтенант в армии. Непосредственное руководство людьми, решение практических задач без абстрактных пустопорожных совещаний, которыми страдают большие начальники, Ивана это привлекало. С начальником группы советуются и крупные руководители, на все научные советы приглашают, но и от реальных дел можно не отрываться, иногда паяльником в плату с микросхемами ткнуть, на осциллографе интересную картинку посмотреть. А когда приходит тематическая премия, например, при сдаче изделия на вооружение, начальника группы никогда не забудут, он свою долю получит. Путь к должности начальника группы был тернист. Многие хотели попасть на это место, а мест было ограничено. Расширять штат путем набора молодых специалистов, можно было только под какую – то новую тематику, нужно было придумать работу, которую раньше не делали. В 80-х годах страна уже начинала задыхаться от дефицита денег и товаров, большое начальство не поощряло таких инициатив. Ждать, пока освободиться место начальника уже существующей группы было бессмысленно. Они освобождались только по естественной убыли людей: на пенсию старались не уходить, умирали «у станка», а уже очередь на вакансию стояла, интриги, кляузы конкурентов, одним словом – мерзость. И единственный путь увидел Иван Андреевич – защита диссертации. Престижно, дополнительно к месячному окладу 50 рублей полагается, а главное, шансы на получение должности резко возрастают. Кандидатов в институте было не много, и почти все они занимали руководящие посты. Просто научными работниками оставались только чудики, не от мира сего, которые с людьми общаться не умели, да и не хотели. Ивану Андреевичу повезло, его начальник лаборатории был кандидат, а начальник отдела доктор наук, они не мешали поступать в аспирантуру, искать тему, а доктор даже согласился стать руководителем диссертации. Повезло, потому что если бы не такое совпадение, и кто-нибудь из начальства не имел бы научной степени, черта лысого его бы допустили до аспирантуры. Начальство было очень ревниво, и допустить, что кто-то из подчиненных раньше «остепениться», не могло. Тему Иван со своим начальником «высосали из пальца». Тематика работ отдела узкая, реальных научных проблем не было видно, и уже после защиты Иван Андреевич дал себе полный отчет в том, что вся эта работа нужна была только лично ему, написанная книга сначала покроется в секретном отделе толстым слоем пыли, а через десять лет будет сдана в архив или уничтожена за не надобностью. Но сама защита принесла

свои плоды: поскольку Иван Андреевич проявлял умеренный карьеризм, вступил в КПСС и даже побыл комсомольским секретарем первичной ячейки (не освобожденным от основной работы), начальство сочло возможным создать для него новую группу, поручив разрабатывать ту же тему, которой была посвящена диссертация. То есть тему пустую, не нужную никому, кроме самого Ивана Андреевича и его непосредственного начальства. Когда нужно было существование этой темы оправдать, сам Иван, и его коллеги, приводили множество вполне убедительных аргументов ее необходимости, подтверждали свои выводы расчетами на ЭВМ, выглядело для больших начальников внушительно. Но беда была в том, что Иван Андреевич не видел в этой работе никакого практического смысла, а работал он в институте, создающем оружие, и практический смысл просто обязан был быть. Поэтому, когда улеглась первая радость от достижения цели, через полгода после назначения начальником группы Иван Андреевич впал в тоску и уныние.

И сейчас, разворачивая заветную тетрадку «план группы», Иван с тоской смотрел на своих прихорашивающихся сотрудниц, которые мило щебетали свои женские сплетни, одновременно окрашивая ресницы, подводя глаза и подпиливая ногти. План, который Иван сам должен был ежеквартально составлять, утверждать у начальства, а потом сам исполнять и отчитываться имел сакральное значение. Невыполнение плана грозило лишением премии всей группе, а может быть и лаборатории. За перевыполнение можно было попасть на доску почета института и получить повышенную премию.

При этом планировались работы научные, например, выпуск научной статьи, оформление заявки на изобретение, написание научного отчета. Все вокруг понимали, что от выполнения такого плана в «народном хозяйстве» ничего не изменится, но начальство строго следило, чтобы выполняли и отчитывались. Для счастливой жизни в таких условиях нужно было правильно составлять план, и Иван быстро научился это делать. В план нужно всегда записывать работы уже почти оконченные, или даже вовсе оконченные, тогда всегда можно досрочно отчитаться об их выполнении. А в текущем квартале формировать задел на следующий. Начальство все эти уловки знало, само такие же планы писало для высшего начальства. Ивану вся эта игра быстро надоела, но прекратить ее он не мог, не уходить же было в научные сотрудники на меньшую зарплату.

Шепот сотрудниц постепенно стих, маникюрные принадлежности и косметика убраны, все открыли рабочие тетради и стали усиленно что – то писать или читать. Ивану Андреевичу стало тоскливо и захотелось курить.

«Посмотрите за чемоданом» – бросил он сотрудникам и вышел в коридор.

Вообще оставлять свой секретный чемодан без присмотра было строго запрещено, но укладывать его в сейф, опечатывать, или сдавать в секретный отдел было лень. По дороге в курилку Иван столкнулся со своим непосредственным начальником Алексеем Петровичем Птицыным. Борода всклоочена, лицо красное и глаза сердитые.

«Представляешь – говорит он, здороваясь за руку – подхожу к Главному конструктору в коридоре с просьбой подписать программу испытаний, которую ты написал, а он на меня: что я вам, мальчик в коридоре разговаривать! Запишитесь к секретарю. Отчитал меня как школьника!»

«Да ладно, мало что ли он на подчиненных матом орал что ли? Не берите близко к сердцу» – сказал Иван.

На самом деле Главный, как впрочем, и многие другие начальники, с подчиненными вел себя как хам трамвайный. Он орал на всех без разбора и по любому поводу, и почти все с этим смирились. Рассказывали, правда, об одном начальнике средней руки, который при очередной истерике взял со стола Главного чернильницу и шваркнул ее об стену. И вроде были

они с Главным наедине, но чернильное пятно долго не сходило со стены, как его не счищали. Говорят, после этого случая именно с этим починенным Главный был исключительно вежлив, а потом сделал его своим заместителем.

Перекур закончился, и Иван Андреевич поплелся к себе в комнату. Дверь в одну из рабочих комнат была открыта, как всегда, и Иван заглянул в нее по привычке. Каждый день он наблюдал одну и ту же картину. Лауреат Ленинской премии Петров стоял в обычной позе лицом к окну, перекатываясь с пятки на носок. Лицо его выражало полную безмятежность, руки заложены за спину. В этой позе он простоять часами, да он и стоял так уже лет 10—15, не меньше. В свое время, лет 25 назад, Петров участвовал в разработке генератора сверхсильных магнитных полей, сделал одно изобретение и был включен в группу соискателей премии. Ее присуждение сильно отразилось на судьбе Петрова. С этих пор он совершенно перестал что – либо делать, и никто из начальства не мог его заставить работать. Магическая сила Ленинской премии делала Петрова неуязвимым. С годами лень и сомнение довели его до полного разложения. Он каждый день ходил на работу, причем четко по времени, не опаздывая утром и не задерживаясь вечером. По имени Петрова никто за глаза не звал: кличка «лауреат» прочно за ним закрепилась. Весь день он стоял у окна, как истукан, а для того, чтобы его вид не раздражал других сотрудников, ему дали комнату на двоих, а в соседи дали Лешу Раскова. Тоже был уникум. Закончил МФТИ, лучший технический ВУЗ страны того времени, с красным дипломом. Этот отличник был абсолютно бесплоден! Ему поручили рассчитывать к каждому эксперименту пояс Роговского для измерения тока. Формула была проста и доступна пониманию студента физика 1 курса. Нужно было просто подставлять численные данные в формулу и определять коэффициент передачи тока, эта работа занимала 10 минут максимум. Таких расчетов было у Леша 3—4 в неделю, другой работы ему доверить было нельзя, он мог ошибиться. Остальное время Леша читал газеты, за которыми ходил в научную библиотеку. Так он с Петровым и работал дружно, никто никого не раздражал: один стоял и покачивался, второй читал газету, подперев голову руками, опертыми на стол. Удивительно, но оба были не женаты, хотя Петрову было за 50, а Леше лет 35.

Убедившись, что его коллеги заняты привычным делом, Иван пошел к себе.

Когда он вошел, вся комната гудела женскими голосами. Обсуждались вопросы нехватки денег, очередей в магазинах, кормления детей и их оценок в школе. Все сразу притихли, испугавшись, что пришло большое начальство, но тут же разговор вспыхнул вновь – вошел свой, родной, при нем можно.

Работать в такой обстановке было невозможно, да Иван и не хотел. Да и какая могла быть работа! Смысла в ней не было никакого: результаты научного характера нельзя было опубликовать, потому что все засекречивалось, разработки военного назначения требовали огромных средств для их внедрения, и средств у государства уже не хватало. Страна не находилась в состоянии войны, а 80% усыхающего бюджета тратилось на оборону. Но советские 80% в денежном выражении составляли 10% от аналогичного американского бюджета, а это сильно раздражало руководителей. В результате научные институты оборонной промышленности, в которые традиционно вербовались лучшие выпускники ведущих ВУЗов страны, превратились в богадельни...

Время было 11 утра, до обеда оставалось минут сорок. Чтобы чем – то себя занять, Иван Андреевич раскрыл свежий номер ЖЭТФ (журнал экспериментальной и теоретической физики), и попытался прочитать статью, посвященную излучениям при соударении металлических тел.

С трудом продираясь через нагромождение формул, уже в который раз Иван поймал себя на мысли: все эти статьи пишут люди закомплексованные, не уверенные в себе, а все эти выверты со специальным терминами, мутными формулировками, якобы подтвержденными всякими дивергенциями с роторами, призваны только придать весу и солидности своему труду.

На самом деле любое реальное достижение в науке и технике может быть описано простым доступным языком, так что и школьник или студент все поймет. Этому масса примеров, восхищение Ивана вызывали книги и статьи Я. Зельдовича, а также статьи американских коллег по его тематике.

Ближе к обеденному времени комната сосредоточилась около выходной двери. Радио было включено погромче, чтобы за женской трескотней не пропустить сигналы точного времени. С первым долгожданным радио пиком, означающем, что 12 часов дня все – таки наступило, дверь комнаты распаивается и народ устремляется в столовую. Она расположена в соседнем здании, на улице холодно, но большинство мужчин бежит без пальто и шапок. Некогда раздеваться и сдавать одежду в гардероб! Нужно еще успеть сыграть партию в шахматы или «забить козла». Женщины как правило одеты, идут не спеша, выступают, как павы. Их задача не тропиться, а произвести впечатление на окружающих, причем скорее на женщин, чем на мужчин. Мужчины, по крайней мере, активная часть, сейчас заняты другой задачей – занять очередь, быстро смолотить обед и к игровому столу! Среди них, правда, есть большие хитрецы. Они вообще на обед не бегут, а сразу начинают шахматные баталии, а когда обед закончиться, они тихонько улизнут в столовую, и пообедают с другим отделом. Ведь обеденное время смещено для каждого отдела, чтобы в столовой не скапливалось большой очереди.

Иван тоже любит со всеми играть в обед в «быстрые» шахматы. На все партию каждому игроку отводиться 3 или 5 минут, по договоренности. Соображать нужно мгновенно, чуть задумался – стрелка шахматных часов упала, и партия проиграна. В таких условиях выигрывают не аналитики и комбинаторы, а стальные нервы, цепкость внимания, реакция. Проглотив обед, практически не жуя, Иван несется к шахматному столу, стоящему в коридоре. За столом одновременно могут играть две пары игроков, играют стоя. Одна пара «хитрецов» уже стучит часами, и Иван успевает занять место на второй доске. Вокруг мгновенно собирается толпа зрителей, места всем не хватает, все возбуждены, лица красные, кричат, подсказывают игрокам. Игроки лупят по часам со всего размаху, чтобы часы противника завести быстрее, и выиграть лишние секунды. Начальник отдела Птицын играет молча, нервно покусывая кончик бороды, сопит, кричит, Валерий Васильевич, пожилой инженер из соседнего отдела приговаривает, передвигая фигуру – «Вот сюда, а мы вот сюда пойдём». Еще он любит перетрогать все фигуры на доске со словами — «Поправляю, поправляю», это раздражает соперника, ведь пока ход делается, уже нужно думать о своем ответе, а он поправляет, поправляет и вдруг неожиданно и сходит фигурой, которую трогает. Периодически кто-то из зрителей истошно кричит – «Лошадью ходи, лошадью!», но никто не знает, к какому игроку адресован столь ценный совет, да и не важно. Это апогей трудового дня. За доской встречаются лаборанты и начальники, в этот момент все на «ты», старших нет. Окончание партии встречается ревом, играют по олимпийской системе, на вылет, тут же проигравший выпихивается из-за стола. Иван часто проигрывает, но все равно игра ему безумно нравится.

Обеденное время заканчивается, прихватив от рабочего времени минут эдак 10, народ грустно расходится по комнатам и курилкам. Наступает тихий час. Идет процесс пищеварения это самое спокойное время, которое кто – то использует для чтения, а кто – то просто спит, положив голову на руки, прикрывшись раскрытым чемоданом для секретных документов.

Но сегодня не поспать – сразу после обеда назначено профсоюзное собрание. Не понятно, почему это делается в рабочее время, но начальству тоже неохота оставаться после работы по всякой ерунде, и оно сквозь пальцы смотрит на нарушение трудовой дисциплины. Профсоюзное собрание один раз в год превращается в митинг, вече новгородское, бунт стрелецкий. В этот день утверждается график очередных отпусков. Зачем это делается на собрании – не понятно, игра в «демократию». Начальство снимает с себя ответственность, отводит народный гнев, наверное. Все хотят гулять свои законные 24 дня летом, у многих дети, зимой, весной и осенью они учатся в школе, да и кого порадует отпуск в ноябре? На улице около нуля, или -5,

мокрым снегом и темно даже днем. А за границу, к теплым морям, народ не пускали. Во-первых «секретоносители» все, а во-вторых советским людям за граница вообще не нужна. Своя страна большая и правильная. И вот когда профорг зачитывает предварительные заявки на отпуск от граждан, начинается настоящий ужас. Сначала раздаются язвительные реплики, типа: «Ишь чего захотел! Каждый год летом!» Потом все сливается в невообразимый гул, и только резкий голос покрасневшего от натуги начальника Алексея Птицына на секунду способен прекратить этот крик. «Ворона каркнула» – прошипит язвительная Жаннетта, но и она смолкает. Птицын поясняет, что матери, имеющие двух и более несовершеннолетних детей, студенты – заочники, почетные доноры имеют право первоочередного выбора летнего отпуска, и зачитывает список льготников. Их оказывается более половины коллектива. Снова поднимается крик. Иван Андреевич в этом балагане не участвует. Он знает, что график, составленный и утвержденный на этом собрании, все равно не будет исполнен. Потом каждый, кто считает себя вправе, подойдет тихонько к начальнику отдела, поплачется на жизнь, подпишет заявление на отпуск в июле или в августе. И все равно в августе лаборатория опустеет, и никакие распоряжения высокого начальства не способны изменить эту ситуацию. Да и зачем менять? Что случится, если их лавочку вообще закрыть на все лето? Да ничего, только дети в каникулы под присмотром будут, а «научных достижений» летом и так не бывает. Но народ все равно беснуется, требует специальных расчетов, с введением коэффициентов ценности месяцев, с учетом прошлых отпусков сотрудников. Одним словом, народ, как обычно, жаждет справедливого распределения.

Ивану это давно надоело. Справедливости нет, и никогда не было. Начальство всегда и премию себе выпишет, и в отпуск пойдет, когда захочет. Сам он тоже чуть-чуть начальство, и тоже пользуется привилегиями.

Напряжение на собрании потихоньку стихает, трудно кричать за справедливость дольше часа. Сотрудники разбредаются по рабочим комнатам и еще долго по углам слышен шепот и шипение недовольных распределением.

Иван пошел в фотолабораторию за проявленными пленками – осциллограммами со вчерашнего опыта. Эксперимент проводился на специальной площадке, в лесу, в десяти километрах от города. Площадка представляет собой большую поляну в лесу, по краям которой верхушки деревьев и ветки срезаны разлетающимися осколками. В центре поляны стоит каземат, это маленькое приземистое здание из бетона, с очень толстыми стенами. Снаружи устанавливается экспериментальная сборка, в ней через специальный люк выводятся кабели измерительных устройств, датчиков, электропитания, детонаторов. Внутри стоит измерительная аппаратура и прячутся люди на момент подрыва. Обслуживает взрывной опыт бригада из подрывника, помощника и два – три лаборанта. Они Ивану не подчиняются, хотя именно он заказчик этого опыта. Иван с тоской вспомнил вчерашний опыт, когда рассматривал фотопленки осциллограмм, на которых не было зафиксировано никаких сигналов. Перед опытом полагается прозвонить, то есть проверить целостность кабелей датчиков, установленных в сборке. Вчера Иван долго возился с установкой сборки на взрывном поле, и прозвонка кабелей началась перед обедом. Лаборанты очень торопились провести опыт до обеда, потому что тогда все участники опыта получают талон на бесплатный обед в столовой. Когда до обеда осталось минут 30, выяснилось, что не работает датчик запуска осциллографа, на кабеле нет выходного сигнала. Иван хотел отложить опыт, провести после обеда, ведь смысла в опыте не будет, если осциллограф вовремя не запустится. Но все так заворчали, занервничали, и Иван понял: если он будет настаивать, его не простят. Потерянный талон на обед намного страшнее испорченной сборки. Иван махнул рукой, сборки запасные в цеху заказаны, пусть взрывают! Ну, что и требовалось доказать – пустые пленки, потерянный день, а впрочем, какая разница? Будут еще много раз такие опыты, зато рабочий народ бесплатно поел... не зря день прожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.